
ГОРЬКИЙ О ПУШКИНЕ

С. БАЛУХАТЫЙ

Пушкин был спутником всей жизни М. Горького. Огромное очарование поэзии Пушкина, образ кипучей, жизнерадостной природы поэта, исключительное значение его для истории русской литературы и литературного языка непрерывно освещались Горьким в бесчисленных его статьях, мемуарных высказываниях, письмах и даже художественных произведениях.

Еще двенадцатилетним подростком Горький познакомился с произведениями Пушкина, а затем и с его биографией, — и с этого времени светлая, радостная поэзия Пушкина, ее глубокое содержание и простота ее форм воспринимались Горьким как непревзойденный образец.

О первом знакомстве с поэзией Пушкина Горький образно говорит в следующем месте (главы X) автобиографической своей повести «В людях»:

«Это были поэмы Пушкина. Я прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданно красивое место, — всегда стремишься обежать его сразу. Так бывает после того, когда долго ходишь по моховым кочкам болотистого леса и неожиданно развернется перед тобой сухая поляна, вся в цветах и солнце. Минуту смотришь на нее очарованный, а потом счастливо обежишь всю, и каждое прикосновение ноги к мягким травам плодородной земли тихо радует.

Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной, и читать ее было неловко. Пролог к «Руслану» напомнил мне лучшие сказки бабушки, чудесно сжав их в одну, а некоторые строки изумляли меня своей чеканной правдой:

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей... —

мысленно повторял я чудесные строки и видел эти, очень знакомые мне, едва заметные тропы, видел таинственные следы, которыми примята трава, еще не стряхнувшая капель росы, тяжелых, как ртуть. Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично все, о чем говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — легкой и приятной, стихи звучали, как благовест новой жизни. Какое это счастье быть грамотным!

Великолепные сказки Пушкина были всего ближе и понятнее мне; прочитав их несколько раз, я уже знал их на память; лягу спать и шепчу стихи, закрыв глаза, пока не усну. Нередко я пересказывал эти сказки денщикам; они слушая хохочут, ласково ругаются, Сидоров гладит меня по голове и тихонько говорит:

— Вот славно, а? Ах, господи...

Возбуждение, охватившее меня, было замечено хозяевами, старуха ругалась:

— Зачитался, пострел, а самовар четвертый день не чищен! Как возьму скалку...

Что — скалка? Я оборонялся против нее стихами:

— Душою черной зло любя,
Колдунья старая...»

Горький вспоминает, что увлечение Пушкиным вызвало у него тогда же большое желание приобрести томик его стихов и присоединить его к имеющимся томикам стихов Беранже и Гейне, но желание это не осуществилось, так как «единственный букинист города, злой старичок, требовал за Пушкина очень много».

Горький-подросток заучивает наизусть стихи Пушкина и заводит тетрадку, куда записывает любимое. Среди записанного «Руслан и Людмила».

Горький-юноша пробует писать стихи, — и мерилом качества настоящей поэзии для него является прежде всего поэзия Пушкина. Горький вспоминает: «Стихи писал я легко, но видел, что они — отвратительны, и презирал себя за неумение, за бездарность. Я читал Пушкина, Лермонтова, Некрасова, переводы Курочкина из Беранже и очень хорошо видел, что ни на одного из этих поэтов я ничем не похож»¹.

И в дальнейшем, до последних дней своей жизни, Горький пронес имя Пушкина через огромный ряд своих художественных и мемуарных произведений, обсуждая в них отдельные особенности творчества и личности поэта.

Общие оценки Горьким Пушкина необычайно высоки. Он говорит: «Пушкин и Толстой — нет ничего величественнее и дороже нам»². Он называет Пушкина «величайшим в ми-

ре художником»³, «колоссальнейшим нашим поэтом»⁴, «гигантом»⁵. Или в других определениях: «Пушкин у нас — начало всех начал»⁶; Пушкин «воплотил дух народа с наибольшей красотой, силой и полностью»⁷.

Говоря о наиболее примечательных сторонах поэзии Пушкина, Горький прежде всего отметил исключительную, необычайную даже для крупных поэтов широту его художественного гения: «Посмотрите, как широк диапазон его интереса к жизни, как много он охватил на земле, ему равно доступны и русская сказка, и «Скупой рыцарь», «Борис Годунов», и «Работник Балда», — вот как нужно брать жизнь»⁸. Горький говорит об исключительно широком образовании Пушкина и о том глубоком освоении им явлений мировой культуры, которое позволил Горькому назвать его «европейцем»⁹.

Горький ценил также в Пушкине прекрасное знание светлых и темных сторон русской действительности прошлого, знание, которое все же позволило Пушкину сохранить трезвое к нему отношение. Горький сказал: «Пушкин знает прошлое своей страны, но не отравлен им»¹⁰.

Исключительные, разносторонние знания и острота чувствований Пушкина позволили Горькому назвать его «всеведавшим»¹¹, а глубина его мыслей, облакаемых в изумительно изящную художественно образную форму, была им определена одним словом — «мудрый»¹². Горький говорил: «В томике стихов Пушкина или в романе Флобера я нахожу больше мудрости и живой красоты, чем в холодном мерцании звезд или в механическом прибое океанов, в шопоте леса или в молчании пустыни»¹³.

Для Горького Пушкин с его умом, с его упорной волей к жизни, с его здоровой психической натурой и неиссякаемыми творческими возможностями является образом совершенного человека, что он и выразил такими словами: «Де Фозе, Ломоносов, Руссо, Пушкин, Байрон, Менделеев, Лессепс и сотни подобных — вот что есть человек по природе своей»¹⁴.

Историко-литературную характеристику Пушкина Горький дал в ряде своих статей. Так, Горький прежде всего отметил, что Пушкин один из первых русских писателей, обративших внимание на народное творчество: «Он пользовался материалом наших сказок, следуя их примеру». И здесь же Горький установил следующую принципиальную разницу между восприятием народного материала поэтами-романтиками, так называемыми поэтами «Озерной школы», и трезвым, критическим реализмом Пушкина: «Поэты «Озерной школы» не касались таких тем, как, например, «О попе и работнике его Балде». Пушкин вообще не искажал подлин-

ного смысла сказок, тогда как Водсворт и его группа пользовались в народном творчестве мотивами «сверхчувственного», «чудесного», идеями и суевериями, которые в это здоровое, языческое творчество внесены были церковью, ее лицемерием»¹⁵.

На народной же основе Пушкин создал русский литературный язык. Об этом Горький говорил так: «Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и — обработанный мастерами. Первый, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надо обрабатывать его»¹⁶.

Роль личного почина Пушкина в истории литературного русского языка Горький еще раз подчеркнул такими словами: «Начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий прекрасный язык, служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого»¹⁷. И вот почему Горький еще в начале критической деятельности в 1900 г., анализируя произведения наших классиков, решительно сказал: «Будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов»¹⁸.

Огромное значение художественной деятельности Пушкина, по мысли Горького, в том, что он, подобно другим величайшим художникам слова, дал острую критику современной ему действительности, с огромной правдивостью, зоркостью и суровостью вскрыл отвратительный порядок жизни, основанный на угнетении людей. Горький говорил: «Свифт, Рабле, Вольтер, Лесажи, Байрон, Теккерей, Гейне, Верхарн, Анатоль Франс и немало других — все это были безукоризненно правдивые и суровые обличители пороков командующего класса; у нас, в прошлом, — Грибоедов, Гоголь, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин и несравненный ни с кем Александр Пушкин, человек совершенно изумительного таланта»¹⁹.

Пушкин, по определению Горького, дал замечательные образцы искусства, — искусства не просто наблюдательного, мелко-реалистического, но художественно-обобщенного, образно-синтетического. Горький говорил, что Пушкин в совершенстве владел той «выдумкой», которая позволила ему в словесном искусстве изображения явлений жизни придать наибольшую убедительность, углубила его смысл — и привела к созданию таких произведений, как «Скупой рыцарь» и «Евгений Онегин». По наблюдению Горького, «Искусство всегда типизует», то есть оно преувеличивает, оно берет ха-

рактерные черты многих, приписывает их одному и дает нам типы, например, скупого: отец Гранде — Бальзака, скупой рыцарь — Пушкина, Плюшкин — Гоголя»²⁰.

Оценивая разнообразное и предельно-выразительное творчество поэта, Горький, однако, предупреждал, что оно не есть результат личного почина, индивидуальных усилий лишь одной личности, но итог работы огромного коллектива, сосредоточившего в одном лице свой огромный опыт. Литература, по мысли Горького, никогда не личное дело литератора: «Несмотря на изумительное разнообразие типов русских литераторов XIX—XX столетий, мы все-таки говорим о литературе как об искусстве, отражающем драмы, трагикомедии и романы эпохи, а не как о литературе единиц — Пушкина, Гоголя, Лескова, Чехова»²¹. Вот почему, изучая типы, образы, созданные художниками слова, и в частности Пушкиным, Горький советует подчеркивать преемственность в литературе идей и образов: «Поставленные в такие ряды типы показали бы и влияние эпохи на организацию характеров, и силу изобразительности каждого автора, и преемственность идей, коими литература питалась»²². Эту преемственность лучших идей человечества в опыте Пушкина Горький иллюстрирует такими примерами связи русской литературы с литературами иностранными: «Нужно знать также историю иностранной литературы, потому что литературное творчество, в сущности своей, одинаково во всех странах, у всех народов. Тут дело не только в формальной внешней связи, не в том, что Пушкин дал Гоголю тему книги «Мертвые души», а сам Пушкин взял эту тему, вероятно, у английского писателя Стерна, из книги «Сентиментальное путешествие»... Важно убедиться в том, что издавна, всюду плелась и всюду плетется сеть «для уловления человеческой души», что всегда, всюду были, везде есть люди, которые ставили и ставят целью работы своей освободить человека от суеверий, предрассудков, предубеждений»²³.

Помимо характеристик, оценок, попутных замечаний о творчестве Пушкина, разбросанных Горьким в многочисленных критических и публицистических своих статьях, мы найдем ряд суждений о Пушкине, включенных Горьким в ткань своих художественных произведений — рассказов и повестей. Обычно устами персонажей этих произведений Горький говорит о личности Пушкина, о популярности его произведений, цитирует отдельные стихи, использует тот или иной образ, — или через оценку Пушкина героями своих рассказов характеризует их собственные взгляды. Эти упоминания мы найдем в рассказах и повестях «Книга», «Все то же», «Рассказ о безответной любви», «Рассказ о герфе»,

«Репетиция», «Дело Артамоновых», «О тараканах» и др., — то есть главным образом в тех произведениях, в которых Горьким изображены преимущественно различные типы интеллигентов.

Вот, например, суждение о Пушкине персонажа из «Расказа о герое» 1924 г., поклонника книги Карлейля «Герои и героическое», Новака, проповедующего преимущества отдельно взятых личностей перед коллективом: «Без Ивана Грозного и Великого Петра, без немецкой принцессы Екатерины, Пушкина, Гоголя, Достоевского, — мир не знал бы и не чувствовал России. История всегда дело единиц, результат творчества героев. Италию создали Данте и Петрарка, Англию — Мильтон, Юм, Гоббс...»

Это — не мысль самого Горького, что видно хотя бы из приведенных выше его слов о зависимости Пушкина от опыта коллектива, из следующего его высказывания на сходную тему: «И Достоевский велик, и Толстой гениален, и все мы, господа, если вам угодно, талантливы, умны, но Русь и народ ее замечательный дороже Толстого, Достоевского и даже Пушкина, не говоря обо всех нас»²⁴.

В ряду беллетристических отражений мыслей самого Горького о Пушкине особенно примечательна повесть «Жизнь Клима Самгина». Изображая в повести широкий круг интеллигенции, Горький дает в их речах огромное число цитат и упоминаний образов из мировой литературы. Среди этого материала значительное место занимает Пушкин. Приведем некоторые примеры.

Разговор Брагина с Деспамесом (часть III повести):

«Помогая Варваре носить посуду и бутылки из буфета на стол, Брагин докторально заметил, что интеллигенция не устраивает погромов.

— Вы говорите — нет? А ваши нигилисты, ваши писаревцы не устраивали погрома Пушкину? Это же все равно, что плевать на солнце!

— Захар Борисович преувеличенно восхищается Пушкиным, — сообщил Брагин, на этот раз смущенно».

Слова Валентина Безбедова в беседе с Самгиным (часть III повести):

«— Может быть она и не ушла бы, догадайся я заинтересовать ее чем-нибудь живым — курами, коровами, собаками, что ли! — сказал Безбедов, затем продолжал напористо: — Ведь, вот я нашел же себя в голубиной охоте, нашел ту песню, которую суждено мне спеть. Суть жизни именно в такой песне — и чтоб спеть ее от души. Пушкин, Чайков-

ский, Миклуха-Маклай — все жили, чтобы тратить себя на любимое занятие, — верно?»

Самгин и Варвара едут по Военно-Грузинской дороге и спустились в долину Арагвы (часть II повести):

«— Здесь, где-то, Пушкин любовался Арагвой, — говорила она.

— Помнишь: «На холмах Грузии»...

— «Тобой, одной тобой», — пробормотал он.

Варвара крепко сжала его руку.

— Непостижимо! Как много может вложить поэт в три слова!

— Да, — сказал Самгин».

Высказывания о Пушкине Горький записал и в своих мемуарных статьях, вспоминая в них то, что о нем говорили встречаемые лица. Так, например, Л. Андреев, по записи Горького, сказал ему:

«— Для тебя книга — фетиш, как для дикаря. Это потому, что ты не протирал своих штанов на скамьях гимназии, не соприкасался науке университетской. А для меня «Илиада», Пушкин и все прочее замусолено слюною учителей, протитуировано геморроидальными чиновниками»²⁵.

Лев Толстой, по словам Горького, говорил: «Надо учиться стихам у Пушкина»²⁶.

Мы привели наиболее существенные высказывания Горького о поэзии и личности Пушкина, рассыпанные им в статьях и художественных произведениях на всем протяжении своего сорокапятилетнего литературного пути.

Но оценки Горьким творчества Пушкина этим не ограничиваются. Замечательно, что великий пролетарский художник слова особо внимательно продумал для себя творчество Пушкина в целом, в основных его качествах, и свои наблюдения сообщил в специальной беседе читателю-пролетарию. Это было в 1909 г., когда Горький в каприйской школе читал курс лекций по истории русской литературы для рабочих. В своем курсе Горький дал большую, развернутую главу о творчестве Пушкина.

Глава эта напечатана в № 8 нашего журнала, — и здесь, в статье, мы приведем лишь ее основные положения и сообщим дополнительные, еще не опубликованные высказывания Горького о Пушкине.

В главе своего курса, посвященной Пушкину, Горький прежде всего говорит о том, что такое исключительное явление в истории русской литературы, как Пушкин, возникло

не сразу: оно было подготовлено всем предшествующим ходом развития русской литературы. Но этим указанием Горький не отрицает личных исключительно высоких качеств Пушкина. Он говорит: «Пушкин шире, умнее, талантливее Жуковского, — он талантливее именно потому, что шире, он умнее и талантливее именно потому, что насыщен большим количеством знаний, он мастер стиха, превосходящий в технике своих предшественников, он таков именно потому, что у него были предшественники, отработавшие технику, каждый на свой лад, а Пушкин — мог и сумел объединить в себе всю ее новизну и гибкость».

И в другом месте: «Многие из современников Пушкина владели словом почти так же искусно, так же легко, как он, но никто из них не смог соединить в стихе простоты и ясности слова с музыкой его, никто из предшественников и современников его не мог возвыситься до таких стихов, какими написан, например, «Пророк».

Переходя к характеристике общественных позиций Пушкина, Горький устанавливает факт высокого самосознания и самоопределения Пушкиным себя как личности, гражданина и поэта. Пушкин — дворянин, но в его стихотворении «Моя родословная» звучит, по определению Горького, «нечто новое по тем временам — именно: звучит уверенность человека в его праве «читать самого себя» не только по заслугам предков, но за свои личные заслуги перед обществом. В понятие дворянство Пушкин в условиях отдаления Александром I от себя русских, заменяемых им немцами, вкладывал «чувство собственного достоинства, сознание своей человеческой ценности и внутренней свободы».

Если до Пушкина литература расценивалась обществом как светская забава, а литератор как мелкий чиновник (Фонвизин, Рылеев) или в лучшем случае — как придворный (Державин, Жуковский), то «Пушкин — первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту, до него недосягаемую: в его глазах поэт выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни».

Горький останавливается на оппозиционном отношении Пушкина к правительству, к Николаю I, к придворной аристократии его времени, говоря, что «по отношению к правительству Пушкин вел себя совершенно открыто», а к сильным представителям высшего общества презрительно и насмешливо.

Особое внимание Горький уделил вопросу о презрительном отношении Пушкина к «черни». Известно, что на осно-

вании этого отношения реакционеры зачисляли Пушкина в свои ряды, а радикалы, вроде критика Писарева, отрицали за поэтом всякое значение. Горький показал, что презрительное отношение к «черни», к народу, было свойственно всем романтикам, утверждавшим, что поэт — существо высшего порядка, абсолютно свободное, не зависящее ни от государства, ни от народа. Романтики, поэты до Пушкина, не знали народа, не интересовались его судьбой.

Совсем иное отношение к народу было у Пушкина. Правда, он, подобно поэтам-романтикам, в ряде своих стихов определяет независимость позиции поэта от «суда глупцов и смеха толпы холодной», он даже дает исключительно резкое суждение о «черни», — но в восприятии Пушкина, по категорическому утверждению Горького, под «чернью» нельзя разуметь народ, русское крестьянство. Горький говорит: «Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу», «он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу». «Возьмите сказку «О попе и работнике Балде», «О Золотом Петушке», «О Царе Салтане» и т. д., во всех этих сказках насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а напротив, оттенил еще более резко». Пушкин перевел с сербского ряд народных сказаний, записывал во время своих путешествий сказки и песни, собирал песни о Степане Разине, изучал народную жизнь и народную речь, описал жизнь деревни в «Истории села Горюхина». Горький напоминает, что «Пушкин учится русскому языку у Крылова, еще больше у своей няньки и всегда у ямщиков, торговков, в трактирах, на постоялых дворах, у солдат», что нередко «он бросает жизнь столицы и едет в деревню «насладиться» простотой речей, и ум, и народную игрою». И Горький заключает: «Этот человек не мог под именем «черни» подразумевать народ — его он уважал и о силе его догадывался чутьем». «Кто же та чернь, о которой поэт говорит с таким отвращением?» — спрашивает Горький и здесь же дает ответ: «Несомненно, что под именем черни он подразумевал то светское, столичное общество, в котором жил». И Горький прослеживает по произведениям Пушкина отношение его к светскому обществу, а по биографии поэта — враждебное отношение светского общества к нему, приведшее, в конце концов, к гибели поэта. Горький говорит: «Его судьба совершенно совпадает с судьбою всякого крупного человека, волей истории поставленного в необходимость жить среди людей мелких, пошлых и своекорыстных, — вспомните Леонардо да Винчи и Микель Анджело».

Общая характеристика Пушкина дана такими словами Горького: «Пушкин не оставил ни одной стороны жизни, не осветив ее своим талантом, круг его интересов, широта знаний до сей поры остается непревзойденной. Он дал образцы всех форм литературного творчества: драму, роман, поэму, сказку, сонет и т. д.». Или: «Пушкин для русской литературы такая же величина, как Леонардо да Винчи для европейского искусства».

Главу о Пушкине Горький заключает определением ценности творчества Пушкина для читателя-пролетария. Горький говорит: «Мы должны уметь отделить от него то, что в нем случайно, то, что объясняется условиями времени и личными, унаследованными качествами — все дворянское, все временное — это не наше, это чуждо и не нужно нам. Но именно тогда, когда мы откинем все это в сторону, — именно тогда пред нами и встанет великий русский народный поэт, создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин», автор лучшей нашей исторической драмы «Борис Годунов», поэт, до сего дня никем не превзойденный ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт — родоначальник великой русской литературы».

Значение творчества Пушкина для пролетария, по убеждению Горького, в следующем: «На примере его творчества мы видим, что писатель, богатый знанием жизни, в своих художественных обобщениях выходит из рамок классовой психики, возвышается над тенденциями класса и объективирует нам этот класс... Несомненно, что Пушкин — дворянин, но нам важно знать, что уже в юности своей он почувствовал тесноту и духоту дворянских традиций, понял интеллектуальную нищету своего класса, его культурную слабость и — отразил все это, всю жизнь дворянства, все его пороки и слабости с поразительной верностью... В примере Пушкина мы имеем писателя, который, будучи переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихе и прозе с наибольшей правдивостью, с наибольшим реализмом, чего и достигал с гениальным умением. Его произведения — драгоценное свидетельство умного, знающего и правдивого человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи, — все они суть гениальные иллюстрации к русской истории. Драгоценное качество Пушкина в том, что «он любил свободу искренно и жарко». Правда, и в то время не один он ждал, когда же, наконец, вспыхнет над родиной заря «свободы просвещения», но только он ожидал ее с тоской и страстью, до него никем еще не испытанными».

Помимо специальной главы о Пушкине в курсе Горького есть значительное число отдельных замечаний о поэте,

включенных в главы о других русских писателях. В этих замечаниях Горький вновь говорит об эстетическом значении поэзии Пушкина, о его замечательной способности к широкому образному обобщению наблюдаемых жизненных явлений, о радостном восприятии жизни, о широте знаний и универсальности литературного гения Пушкина, об историческом его чутье, о простоте и музыке его стиха. Как высокоположительный факт в высказываниях Пушкина, свидетельствующих о подлинном его «европеизме», Горький отмечает тягу поэта к западной культуре, его отказ присоединиться к протесту против иноземщины. Горький говорит:

«Этот протест против иноземщины вы найдете и у Фон-Визина, Новикова, Грибоедова в монологах Чацкого, всюду, только Пушкин ясно понимал и слепоту этого протеста нищих против богатых людей, предлагавших им свой драгоценный опыт.

В «Евгении Онегине» мы встретим такие строфы:

Сокровища родного слова, —
Заметят важные умы, —
Для лепетания чужого
Пренебрегли безумно мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремущки,
А не читаем книг своих.
Да где ж они? давайте их!
Конечно: северные звуки
Ласкают мой привычный слух:
Их любит мой славянский дух;
Их музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожит
Одними ль звуками пиит?

И где ж мы первые познания
И мысли первые нашли?
Где поверяем испытанья,
Где узнаем судьбу земли?
Не в переводах одичалых,
Не в сочиненьях запоздалых,
Где русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух.
Поэты наши переводят
Или молчат; один журнал
Исполнен приторных похвал,
Тот — брани плоской; все наводят
Зевоту скуки, чуть не сон:
Хорош российский Геликон!»

(Зачеркнутые строфы поэмы)

Горький утверждает, что родоначальником русского реализма является Пушкин. По словам Горького, «Гоголя-реа-

листа сделал Пушкин», дав ему тему «Ревизора» и «Мертвых душ». Горький вносит следующую радикально новую поправку в известную формулу Достоевского: «Достоевский, говоря о сострадании, как основной ноте русской литературы, сказал: «вся русская литература вышла из «Шинели», рассказа Гоголя». Это несомненно преувеличение, мы с большим правом можем сказать, что реализм в русской литературе начат Пушкиным, именно его «Станционным смотрителем» и вообще им, и что основы гуманитарного отношения к униженным и оскорбленным людям заложены еще до Пушкина».

Говоря о поэзии Лермонтова, Горький особо отметил: «Лермонтов действительно понял песнь Пушкина, понял его значение и один он проводил гроб поэта криком злобы, тоски и мести. Стихи «Смерть поэта» справедливо считаются одним из сильнейших стихотворений в русской поэзии. Правительство услышало этот призыв к мести, поняло его общественное значение и сослало поэта прапорщиком на Кавказ».

Приведенными словами Горького исчерпываются его наиболее существенные высказывания о творчестве и личности поэта. В них замечательно то, что в свете социалистического восприятия огромного, сложного и разнообразного литературного наследия Пушкина Горький, — великий пролетарский писатель, яркий представитель революционного сознания, талантливейший сын трудового народа, — углубленно вскрыл и необычайно четкими, яркими и точными словами определил объективное значение величайшего поэта в русской и мировой культуре. Горький с убежденностью революционера и чутьем художника, беззаветно влюбленного в искусство слова, показал нам — какие стороны богатейшей поэзии Пушкина и качества его несравненной личности всегда будут дороги пролетариату.

Горький завещал нам: «Читайте почаще Пушкина, это — основоположник поэзии нашей и всем нам всегда учитель. Тот, кто кричит, что Пушкин устарел, не верьте, — стареет форма, дух же поэзии Пушкина нетленен»²⁷. И говоря об увлечении западной буржуазии творчеством другого русского писателя — Достоевского, Горький, предостерегая нас против влияния его «ядовитого таланта», сказал: «Я предпочел бы, чтобы «культурный мир» объединялся не Достоевским, а Пушкиным, ибо колоссальный и универсальный талант Пушкина — талант психически здоровый и оздоровляющий»²⁸.

Высказывания М. Горького взяты из следующих его статей и писем:

1. «О том, как я учился писать» — 1928 г.
2. «Лев Толстой» — 1919 г.
3. Предисловие М. Горького к книге Л. Андреева «Саша Жегулев» на английском языке — 1925 г.
4. «Об анекдотах и еще кое о чем» — 1931 г.
5. «Доклад на съезде советских писателей» — 1934 г.
6. «Письмо к П. Максимову» — 1911 г.
7. «О русской интеллигенции и национальных вопросах» — 1912 г.
8. Письмо к Д. Семеновскому — 1914 г.
9. «О карамазовщине» — 1913 г.
10. Там же.
11. «О пьесах» — 1932 г.
12. Статья М. Горького на венгерском языке о русской литературе в венгерском журнале *Nyugat* («Запад») — 1925 г.
13. Предисловие М. Горького к книге Мортье «Всеобщая история литературы» на французском языке — 1925 г.
14. «Заметки читателя» — 1927 г.
15. «Об анекдотах и еще кое о чем» — 1931 г.
16. «О том, как я учился писать» — 1928 г.
17. «О языке» — 1934 г.
18. «Литературные заметки» — 1900 г.
19. «О действительности» — 1929 г.
20. «Ставьте дело твердо и широко» — 1931 г.
21. «О литературе и прочем» — 1931 г.
22. «Замечания на учебник литературы Е. Абрамовича, Б. Брайниной и А. Еголина» — 1936 г.
23. «О том, как я учился писать» — 1928 г.
24. «Еще о карамазовщине» — 1913 г.
25. «Леонид Андреев» — 1919 г.
26. «Лев Толстой» — 1919 г.
27. «Письмо к Д. Семеновскому» — 1913 г.
28. «О литературе» — 1931 г.

Сведения о печатных источниках статей и писем М. Горького см. в нашей книге «Литературная работа М. Горького» изд. «Academia», 1936 г.

Литературная **УЧЕБА**

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

2

сентябрь 1951

С